

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ШИЛАНСКОГО ГОВОРА ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Беленов Николай Валерьевич,

кандидат педагогических наук, доцент

кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании

ФГБОУ ВО «Самарский государственный

социально-педагогический университет»

(г. Самара, РФ), belenov82@gmail.com

Введение. В статье представлены результаты исследований географической лексики одного из эрзя-мордовских говоров Самарской области – шиланского, бытующего в среде эрзянского населения с. Шилан Красноярского района. Данный говор относится к редким для Самарского Поволжья мордовским говорам, сформировавшимся в регионе в середине XIX в., в связи с чем его исследование представляет дополнительный интерес.

Материалы и методы. Методы исследования обусловлены целью и задачами работы. Анализ географической лексики шиланского говора проводится с привлечением соответствующих материалов других мордовских говоров Самарской области, смежных территорий соседних регионов, а также иных территорий расселения мордвы. Данные по географической лексике указанного говора впервые вводятся в научный оборот. Основным источником материалов для статьи послужили полевые исследования автора в Шилане в 2017 и 2020 гг., а также в других эрзя-мордовских и мокша-мордовских селах Самарской области и прилегающих территориях в 2015–2020 гг.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что географическая лексика шиланского говора эрзя-мордовского языка существенно отличается от соответствующих лексических кластеров других мордовских говоров региона, что можно объяснить как особенностью природно-географических условий окрестностей Шилана, так и исходным составом данного лексического кластера у эрзянских переселенцев, основавших село.

Заключение. Анализ географической лексики шиланского говора позволил выявить, с одной стороны, особенности данного кластера, отличающие его от соответствующих материалов других мордовских говоров региона, а с другой – общие изоглоссы между ним и рядом эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья.

Ключевые слова: географическая лексика; мордва; эрзя-мордовский язык; топонимика; Самарская область.

Для цитирования: Беленов Н. В. Географическая лексика шиланского говора эрзя-мордовского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 358–367.

Введение

Географическая лексика отдельно взятого говора того или иного языка является важнейшей составляющей его топонимной лексики, участвует в генезисе географических названий. Географическая лексика мордовских языков обладает значительным своеобразием в ряду подобных лексических кластеров других финно-угорских языков, кроме того, она существенно различается в отдельных говорах даже в рамках одного мокша-мордовского или эрзя-мордовского диалекта. Вместе с тем именно этот лексический кластер, отражающий характеристики того или иного мордовского говора, историю языковых контактов его носителей, особенности восприятия ими своего ландшафтного и хозяйственного окружения, во многом формирует топонимическую номенклатуру соответствующего этнокультурного пространства.

Географическая лексика мордовских языков и отдельных мордовских говоров неоднократно становилась объектом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Первые списки мордовских слов, среди которых значительную часть составляли географические термины, известны со второй половины XVII столетия [13]. Активная и плодотворная работа в данном направлении в Республике Мордовия ведется с середины XX в., тесно переплетаясь с топонимическими исследованиями¹.

На территории Самарского Поволжья такие исследования специально не прово-

¹ См.: Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск, 1987; Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005.

дились. Между тем изучение мордовских говоров региона имеет солидную историографию. На рубеже XIX–XX вв. здесь работала экспедиция финского лингвиста Х. Паасонена, собиравшая лексический материал и образцы фольклора в ряде мордовских сел, которые согласно современному административному делению территориально относятся к Самарской области. В фундаментальном словаре Х. Паасонена имеются ссылки на материалы из Старого Вечканова (ныне в Исаклинском районе Самарской области), Алешкина (ныне в Похвистневском районе Самарской области), Мордовской Селитьбы (ныне в Сергиевском районе Самарской области), Грачевки (ныне в Красноярском районе Самарской области)². В работе имеется ряд неидентифицируемых материалов, территориальная привязка которых неясна, однако прямых указаний на посещение исследователем Шилана нет. В начале XX в. в мордовских селах, располагавшихся на территории современных Шенталинского, Клявлинского и Ставропольского районов Самарской области, работал М. Е. Евсевьев, описывая и систематизируя местные мордовские говоры³. Географической лексике самарской и оренбургской мордвы значительное внимание уделено в статье Д. В. Цыганкина «Ойконимия мордовского Заволжья» [11]. Особенности вокализма и консонантизма шиланского говора подробно рассмотрены в работах Е. М. Девяткиной [4; 5].

Шиланский говор эрзя-мордовского языка является редким для Самарского Поволжья образцом эрзянских говоров, сложившихся на территории региона в середине XIX в. Большая часть мордовского населения Самарской области пришла сюда либо ранее (до конца XVIII в.), либо позднее – в первой трети – середине XX в. По лексическому составу мордовские говоры региона можно разделить на две основные группы. Первая включает говоры тех мордовских сел, основание которых относится ко времени до начала XVIII в., –

они характеризуются значительной лексической архаикой, в том числе в кластере географической лексики. Вторая группа охватывает мордовские говоры сел, основанных в период с начала XVIII в. до настоящего времени, их географическая лексика ближе к таковой в литературно-письменных мордовских языках, хотя также имеет особенности. Шиланский говор принадлежит ко второй группе, что подтверждает данное деление по хронологическому признаку. Также надо отметить, что носители шиланского говора проживают в относительной изоляции от носителей других эрзя-мордовских говоров, в окружении русскоязычного и тюркоязычного населения.

В связи со всеми перечисленными обстоятельствами изучение географической лексики указанного говора представляет значительный научный интерес, что и обусловило цель настоящей статьи: введение в научный оборот и анализ элементов данного лексического кластера шиланского говора эрзя-мордовского языка.

Материалы и методы

Материалы исследования были получены в ходе сбора топонимической номенклатуры Шилана и его окрестностей, топонимических преданий и топонимной лексики, бытующей в шиланском говоре эрзя-мордовского языка, во время полевых сезонов 2017 и 2020 гг. На протяжении полевых сезонов 2015–2020 гг. аналогичные исследования были проведены нами в эрзянских и мокшанских селах Самарского Поволжья и прилегающих территорий, что дало материал для ареального и сравнительно-сопоставительного анализа географической лексики шиланского говора с соответствующими лексическими кластерами других мордовских говоров региона.

Методы исследования были обусловлены его целью и задачами.

Анализ географической лексики шиланского говора выполнялся на основе методов и принципов исследования,

² См.: Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki, 1990–1996. Bd. 1–4.

³ См.: Евсевьев М. Е. Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914.

сформулированных в работах ведущих специалистов в данной области: И. К. Инжеватова⁴, Г. М. Керта [6], М. В. Мосина [7], О. Е. Полякова [9], А. Н. Ракина [10], Д. В. Цыганкина⁵.

Результаты исследования и их обсуждение

История

Село Шилан было основано в середине XIX в., поэтому его история в отличие от истории большинства мордовских населенных пунктов региона хорошо документирована. В 1852 г. выходцами из четырех сел Симбирской губернии – Сайнеле, Пылеево, Радаевка и Трокшкужо – была основана деревня, получившая название Шиланский Ключ, видимо из-за небольшой речки, на которой она возникла.

Из перечисленных сел однозначной идентификации сегодня подлежит только одно, Сайнеле (русское название – Сайнино). Основанное в начале XVII в. и упоминавшееся в «Книге бортовых ухажав Алатырского уезда» [3], а также в описании Д. Пушечникова и А. Костяева⁶, оно существует до настоящего времени (108 постоянных жителей). Остальные населенные пункты, упоминаемые в архивных документах, сегодня, по всей видимости, уже не существуют. Так, известно несколько урочищ с названиями Трокшкужо и Радаевка на территории современных Ульяновской области и Республики Мордовия. Села с названием Пылеево в настоящее время также нет, однако нельзя исключать неточность при разборе почерка писца: в архивных документах, возможно, упомянуто не Пылеево, а Помаево (Сурского района Ульяновской области), в котором на сегодняшний день постоянных жителей официально не числится.

Таким образом, для проведения дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований шиланского говора эрзя-

мордовского языка надежным ориентиром может являться только эрзя-мордовское село Сайнеле (Сайнино) с говором его жителей.

Начальная история Шилана позволяет предположить, что жители Сайнеле и Трокшкужо если не преобладали численно в составе переселенцев, то во всяком случае являлись более организованными и сплоченными. На новом месте они поставили дома в том порядке с соседями, в котором проживали до переселения, – эти районы Шилана до настоящего времени носят названия Сайнеле и Трокшкужо.

Современное эрзя-мордовское население Шилана уже не помнит, выходцами из какого именно села были его предки. Сохранились списки фамилий жителей Шилана по районам расселения, зафиксированные в ходе переписи 1856 г., по которым можно судить, носители каких фамилий являются выходцами из Трокшкужо и Сайнеле, благодаря указанным выше особенностям расселения. Из Сайнеле происходят Лиходкины, Сыресины, Шестеркины, Синегубовы, Алешкины, Афонины, Шишковы, Куприяновы, Догадкины, Прокаевы, Горбуновы, Ерошкины, Гарькины, Зольниковы; из Трокшкужо – Корневы, Сусликовы, Кондратьевы, Сыркины, Янтюжины, Фомины, Глазуновы, Шакшины, Сафроновы, Логиновы, Конновы⁷.

Спустя 12 лет после основания села, в 1864 г., в Шилане была построена церковь во имя Михаила Архангела. Храм, сгоревший в 1937 г., располагался напротив здания современного ДК «Витязь», который вместе с прилегающим участком находится на территории старейшего шиланского кладбища.

В настоящее время мордва-эрзя составляет около половины жителей села, также здесь проживают русские, чуваша, армяне и представители других национальностей.

⁴ См.: Инжеватов И. К. Указ. соч.

⁵ См.: Цыганкин Д. С. Указ. соч.

⁶ См.: Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) / под ред. В. А. Юрченко. Саранск, 2017. С. 162–163.

⁷ См.: Корнева О., Пьянзина Е. Очерки по истории села Шилан. Самара, 2001. С. 5.

Характеристика шиланского говора эрзя-мордовского языка

Шиланский говор эрзя-мордовского языка был подробно исследован Е. М. Девяткиной [4; 5]. По ее мнению, шиланский говор принадлежит к говорам позднего периода формирования и предварительно может быть отнесен к западному диалекту эрзянского языка. Территориально говоры западного диалекта бытуют в эрзянских селах, расположенных по р. Пырме, в нижнем течении Инсара и среднем течении Алатыря.

Для вокализма шиланского говора, по Е. М. Девяткиной, характерны следующие закономерности: меньше всего подвергаются изменениям гласные первого слога; в первом слоге гласный [а] не может употребляться между мягкими согласными; в первом слоге эрзянских слов редко встречается лабиализованный гласный [u] [4, 49]. Консонантизм шиланского говора ближе всего находится к консонантизму центрального диалекта эрзянского языка, распространенного в Атяшевском районе Республики Мордовия [5, 38].

Добавим, что жесткая эрзянская аффриката [ч] в шиланском говоре перешла в мягкую аффрикату, близкую русскому [ч']. Подобные фонетические переходы в эрзянских говорах Самарского Поволжья редки, наблюдаются лишь в говоре сильно обрусевшего эрзянского населения с. Большая Каменка Красноярского района Самарской области, а также в степношенталинском говоре эрзя-мордовского языка: люди старшего поколения произносят аффрикату [ч] жестче, чем среднего и молодого, у которых она практически идентична русскому [ч']⁸.

Географическая лексика шиланского говора

Сказанное выше относительно общей характеристики шиланского говора эрзя-мордовского языка в полной мере можно распространить на его географическую терминологию, в которой все указанные

особенности находят отражение. Рассмотрим последовательно элементы географического лексикона шиланского говора.

Веле

Термин служит для обозначения села, деревни. Иногда, как правило, в случаях, когда требуется уточнение, о каком именно географическом объекте идет речь, термин присоединяется к ойкониму – *Шилан веле*. При этом в ряде устойчивых словосочетаний, а также в разговорной речи в шиланском говоре термин *веле* часто заменяет адаптированное заимствование из русского языка – *села*. Например: *села тарка* ‘место бывшего села’, ‘урочище’, где *села* ‘село’ + *тарка* ‘место’.

Вирь

Данный термин в шиланском говоре эрзя-мордовского языка имеет значение ‘лес’. Термин встречается во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья, однако редко является топонетическим в них. В топонимии его заменяют заимствования из русского языка – *лес* и *колка*. В топонимической номенклатуре окрестностей Шилана используется лексема *лес*.

Грезь прудась

Данным термином обозначаются болота. Надо отметить, что настоящих болот в окрестностях Шилана нет, поэтому собственно мордовские географические лексемы с данным значением здесь отсутствуют, как и в большинстве мордовских говоров региона. Адаптированное заимствование из русского языка *грезь* употребляется в значении ‘болото’ также в новоеремкинском и ряде похвистневских эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья. Термин *прудась* заимствован из русского языка, а финаль *сь* в нем является общемордовским аффиксом определенности.

Калмо ланго

Устойчивое словосочетание служит для обозначения кладбищ. Для эрзянских говоров Самарского Поволжья нами отмечены два наиболее распространенных термина с этим значением: *калмо ланго* и *калмозырь* – оба варианта являются литературно-письменными в эрзянском языке. В шиланском говоре вообще очень ча-

⁸ Полевой материал автора: Самарская область, Кошкинский район, с. Степная Шентала, запись 2020 г. (далее – ПМА).

сто встречается элемент *ланго* в составе устойчивых словосочетаний, в том числе в географической лексике, например: *ки ланго* ‘дорога’, *сэдь ланго* ‘мост’.

Калужина

Данным термином обозначаются лужи, при этом сам термин *лужа* в говоре также присутствует. Термин *калужина* традиционно связывается с термином *калуга*, происхождение которого неясно. Есть некоторые основания видеть в данной лексеме, фиксируемой в русских говорах на обширной территории от Вологодской области до Восточной Сибири, заимствование из финно-угорских языков, в частности из вепского [12], что, впрочем, подвергается аргументированной критике [8]. С другой стороны, имеются примеры бытования подобных терминов в сходных значениях в других славянских языках, для которых заимствование из финно-угорских языков маловероятно⁹. Наконец, в части мордовских говоров бытует географический термин *каль*, ряд значений которого близок тем, что встречаются в русских говорах у термина *калуга*. В шиланском говоре, насколько можно судить по его лексическому составу, термин является заимствованием из русского языка, так как лексема *каль* здесь имеет только одно значение – ‘ива’.

Ки ланго

Термин используется для обозначения дорог. Данный термин является примером частотности элемента *ланго* в составе географических лексем рассматриваемого говора. В эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья для обозначения дорог нами повсеместно фиксируется вариант *ки*. Отметим, что устойчивое словосочетание, аналогичное шиланскому, встречается в указанном значении в ряде эрзянских говоров, распространенных на территории Республики Мордовия.

Колка

Это один из самых распространенных транснациональных географических терминов в Самарском Заволжье –

в различных фонетических вариациях он встречается у мордвы, чувашей и татар. Термин заимствован из русского языка, где *колок* – ‘участок леса в безлесной местности’. В шиланском говоре он бытует в значениях ‘роща’, ‘небольшой лес’, при этом топогенетичным в отличие от подавляющего большинства других эрзя-мордовских говоров региона не является. Интересно, что для обозначения роц и перелесков в шиланском говоре отсутствует термин *помра*. Между тем, согласно описанию Д. Пушечникова и А. Костяева, этот термин бытовал у мордвы Сайнина в первой четверти XVII в., о чем свидетельствуют топонимы *Утешева помра*, *Ки помра*¹⁰.

Куринка

Термин служит для обозначения улиц. Особенность в его бытовании здесь заключается в том, что он не является топогенетичным, как в большинстве мордовских говоров региона.

Куро

Данный термин имеет значения ‘ягодная поляна’, ‘грибная поляна’. Тождественное значение для данного термина отмечено Х. Паасоненом для баганского говора эрзя-мордовского языка¹¹. В ряде мордовских сел региона встречается термин *кунчка куро*, имеющий значение ‘центр села’, при этом сам термин *куро* в них дестимологизирован и как самостоятельная лексическая единица не используется (например, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка). В шиланском говоре центр села (и вообще центр) обозначается лексемой *кунчкс*, сформированной с помощью аффикса превратительного падежа *-кс*.

Латко

Термин может использоваться для обозначения оврагов, однако сами информанты отмечают некоторую неточность подобного перевода. По их мнению, в настоящее время термин *латко* точнее было бы перевести на русский язык как ‘яма’, ‘котловина’, ‘углубление на

⁹ См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1983. Вып. 9. С. 125–126.

¹⁰ См.: Мордовский фронт в зеркале приказной статистики. С. 163.

¹¹ См.: Paasonen H. Op. cit. Bd. 2. S. 97.

ровной местности'. Собственно же овраги здесь обозначаются русским термином *овраг*. Сравним в составе топонимов: *Сухой овраг*, *Каменный овраг*, *Березовый овраг* (теперь на его месте *Березовый пруд*), *Неяловский овраг*.

Лей

Один из наиболее топогенетичных терминов фиксируется в значении 'река', но в топонимии применяется и к незначительным ручьям. Также отмечается факт добавления термина *лей* в качестве топоформанта к русским гидронимам, например: *Хорошенька-лей* (русский вариант потапонима – *река Хорошенькая*). Данный факт выделяет шиланский говор из мордовских говоров Самарского Поволжья, поскольку в большинстве из них термин *лей* отсутствует в каком бы то ни было значении, в ряде эрзянских говоров – является синонимом более распространенных и топогенетичных терминов. Отметим, что термин *лей* отсутствует прежде всего в географических лексиконах мордовского населения сел, основанных до начала XVIII в., говоры которых характеризуются общей архаичностью лексического состава (за исключением клявлинского говора эрзя-мордовского языка, где термин *лей* фиксируется, топогенетичен, но выступает синонимом более распространенного в значении 'река' термина *пандалкс*). Также обращает на себя внимание тот факт, что в мордовских говорах немногочисленных для Самарского Поволжья сел, основанных, как и Шилан, в XIX в., термин *ляй/лей* присутствует и является топогенетичным. Это относится, например, к мокша-мордовскому говору с. Благодаровка Борского района Самарской области [2].

Лисьма

Термин служит для обозначения родников и колодцев. Известное устойчивое словосочетание эрзянской географической лексики *лисьма пря* в значении 'родник' в шиланском говоре не встречается. Термин *лисьма* является здесь одним из наиболее топогенетичных, что обусловлено характером окружающей местности, богатой родниками. Названия родников в окрестностях

села часто связаны с названиями близлежащих полей, причем названия родников, судя по семантике, первичны.

Озеро

Этим заимствованным из русского языка термином обозначаются озера. В шиланском говоре полностью отсутствует термин *эрьке*, что составляет редчайшую для мордовских говоров Самарского Поволжья ситуацию. Согласно данным наших полевых исследований, во многих мордовских говорах региона термин *эрьке* в значении 'озеро' в настоящее время также не используется – в основном ввиду вытеснения заимствованием из русского языка. При этом, однако, лексема *эрьке* в исследованных говорах сохраняется, изменяя семантику. Так, в шелехметском говоре мокша-мордовского языка *эрьке* – определенный тип озер [1], в эрзянских говорах похвистневской мордвы лексема *эрьке* (вариация – *эрькине*, также встречается в составе устойчивого словосочетания *чуди эрьке*) имеет значение 'ручей' или 'небольшая река', в большекаменском говоре эрзя-мордовского языка – 'река'¹². Объяснение данного обстоятельства лишь тем фактом, что в окрестностях Шилана нет значительных озер, не будет исчерпывающим, поскольку, например, в окрестностях эрзянских сел Похвистневского района значительных озер также не имеется, а термин *эрьке* в лексиконе местных говоров фиксируется. По-видимому, здесь сказывается также фактор наличия и топогенетичности в шиланском говоре географического термина *лей* в значении 'река', который в большинстве мордовских говоров региона отсутствует.

Пакся

Лексема бытует в значении 'поле'. Подобные лексемы с указанным значением зафиксированы нами во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья, с фонетическими вариациями *пакся/паксе*, причем во всех эрзя-мордовских – *пакся*. В шиланском говоре данный термин топогенетичен, хотя в топонимической

¹²ЛМА: Самарская область, Красноярский район, с. Большая Каменка, запись 2020 г.

номенклатуре активно вытесняется русским заимствованием *поле*. Указанная ситуация позволяет предполагать, что топонетичность термина *пакся* в шиланском говоре в недавнем прошлом была выше. Также надо отметить, что в большинстве мордовских говоров Самарского Поволжья данный термин, при наличии в географическом лексиконе, топонетичным не является.

Пандо

Термин служит для обозначения холмов, небольших возвышенностей. Вероятно, он является родственным термину *панде*, бытующему в некоторых мокша-мордовских говорах Самарской Луки в значении 'небольшое всхолмление', 'грядка'¹³. Возвышенности, которых в окрестностях Шилана немало, в том числе господствующая над окружающей местностью *Шиланская Шишка*, считающаяся местными жителями самой высокой точкой в Заволжье (что, впрочем, ошибочно и может рассматриваться как часть местного фольклора), называются здесь по-русски – *гора*. Ряд возвышенностей в окрестностях Шилана в настоящее время имеют два названия, бытующих параллельно, – русское и эрзянское, причем термин *гора* присутствует в обоих вариантах. Сравним русский и эрзянский варианты названия одной и той же возвышенности: *Поклонная гора* и *Казна гора*.

Пе

Данным термином обозначаются 'конец села', 'улица', 'конец улицы', 'часть села'. Рассматриваемый термин употребляется в основном по отношению к тем частям села, для которых в прошлом была характерна архаичная гнездовая застройка, являвшаяся основным типом застройки в мордовских селениях до начала XX в. Для улиц, изначально формирововавшихся как улицы в классическом понимании, в шиланском говоре используется термин *куринка*, в настоящее время вытесненный из топонимической номенклатуры русским заимствованием. Есть основания полагать, что термин *пе* (с раз-

личными фонетическими вариациями и аффиксацией) ранее имел в мордовских языках более широкий спектр значений. На это, в частности, указывает ряд мордовских гидронимов с неясной этимологией, а также материалы географической лексики других финно-угорских языков.

Песа

Термин бытует в значении 'окраина села', 'околица'. В данном значении распространен в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья. Термин является двусоставным: *пе* 'конец', 'район села' + *-са* – аффикс местного падежа в мордовских языках.

Прудась

Данным адаптированным заимствованием из русского языка обозначаются пруды. При этом в разговорной речи, как и в топонимической номенклатуре, чаще используется русский вариант термина – *пруд*, сравним: *Березовый пруд*, *Гусиный пруд*.

Села тарка

Устойчивое словосочетание служит для обозначения урочищ, мест, где когда-то располагалось поселение – село, хутор, деревня. Первая часть (с ударением на первый слог) является адаптированным в эрзя-мордовской этноязыковой среде заимствованием из русского языка, эрзя-мордовская лексема *тарка* имеет значение 'место': *села тарка* 'место села'.

Чудикерьке

Данным термином обозначаются ручьи, что соответствует семантике литературно-письменного эрзя-мордовского термина. В большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья термин имеет именно такую форму и, как и в шиланском говоре, топонетичным не является. В окрестностях Шилана водотоки любых размеров обозначаются термином *лей*, что и отражается в топонимической номенклатуре.

Заключение

Обзор географической терминологии шиланского говора эрзя-мордовского языка позволил выявить в нем ряд общих изоглоссов с эрзя-мордовскими и мокша-мордовскими говорами Самарского По-

¹³ ПМА: Самарская область, Волжский район, с. Торное, запись 2018 г.

волжья, прилегающих районов других регионов и Республики Мордовия. Вместе с тем значительное количество географических терминов, встречающихся в данном говоре, являются специфическими для мордовских говоров Самарского Поволжья – лексически, семантически и по форме бытования. Обращает на себя внимание существенное количество русизмов в рассматриваемом лексическом кластере шиланского говора; процесс замещения эрзянской географической лексики заимствованиями из русского языка в настоящее время продолжается – как в разговорной речи, так и в топонимической номенклатуре. Отметим также, что значительная доля географического лексикона говора находит лексические и семантические соответствия в литературно-письменном эрзя-мордовском языке.

В географической лексике шиланского говора нами не зафиксировано заимствований из тюркских языков, притом что значительная часть топонимической номенклатуры окрестностей Шилана восходит к тюркским языкам. Подобное наблюдение находит соответствия в других мордовских говорах Самарского Поволжья. Так, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка, несмотря на чересполосное проживание эрзян в Клявлинском районе с носителями татарского и чувашского языков, а также на фиксируемое в ряде случаев эрзянско-татарское или эрзянско-чувашское двуязычие, заимствованных из тюркских языков географических терминов нами также не выявлено¹⁴.

Географическая лексика шиланского говора, как позволило установить проведенное исследование, обладает специфи-

ческими для мордовских говоров Самарского Поволжья характеристиками:

– присутствие послелога *ланго* в составе устойчивых словосочетаний географической терминологии, таких как *ки ланго*, *сэдь ланго*, *калмо ланго* и т. д.;

– высокая топогенетичность лексемы *лей* в значении ‘река’. В топонимии она же фигурирует в составе названий ручьев, несмотря на присутствие в географическом лексиконе шиланского говора специального термина со значением ‘ручей’ – *чудикерькс*;

– отсутствие в составе географической лексики термина *эрьке*;

– использование термина *лисьма* в значении ‘колодец’ и ‘родник’. При этом устойчивое словосочетание *лисьма пря* в географическом лексиконе отсутствует;

– значительная русификация географической лексики, что проявляется прежде всего в замене русизмами основных мордовских маркеров географической лексики мордовских говоров региона – *пандо* и *латко*. Последние не вытеснены из лексикона совсем, но претерпели семантические изменения.

Своеобразие географической лексики шиланского говора можно объяснить как особенностями природно-географических условий окрестностей Шилана, так и исходным составом данного лексического кластера у эрзянских переселенцев, основавших село, – выходцев из разных населенных пунктов. Как показывают результаты наших полевых исследований, именно эти два фактора являются ведущими в эволюции географических лексиконов мордовских говоров Самарского Поволжья.

¹⁴ ПМА: Самарская область, Клявлинский район, запись 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беленов Н. В. Географические термины для обозначения озер в мокша-мордовских говорах Самарской Луки // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 122–129. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.122-129
2. Беленов Н. В. Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области // Этническая культура. 2020. № 1 (2). С. 14–20.

3. Гераклитов А. А. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 г. Саранск: Мордгиз, 1936. 87 с.
4. Девяткина Е. М. Некоторые фонетические особенности шиланского говора эрзя-мордовского языка // Проблемы языка: сб. науч. ст. Москва, 2012. С. 40–52.
5. Девяткина Е.М. Особенности консонантизма шиланского говора эрзянского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. Вып. 4 (227). С. 34–39.
6. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика: моногр. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.
7. Мосин М. В. Отражение общезинноугорской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4. С. 172–174.
8. Мызников С. А. Вепские этимологии в финно-угорском и славянском контекстах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Т. 9, № 1. С. 9–13.
9. Поляков О. Е. Наши предки и их языки. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1991. 66 с.
10. Ракин А. Н. Проблемы изучения региональной ономастики (на материале гидронимической лексики Верхневьчегодского региона) // Интеграция образования. 2012. № 3. С. 122–127.
11. Цыганкин Д. В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 3. С. 9–15.
12. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915. 187 S.
13. Witsen N. Noord en oost Tartarie. Amsterdam, 1692. D. 2. 600 s.

Поступила 04.11.2020, опубликована 25.12.2020

GEOGRAPHICAL VOCABULARY OF THE SHILAN DIALECT OF THE ERZYA-MORDOVIAN LANGUAGE

Nikolai V. Belenov,

*Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, ICTO Department,
Samara State University of Social Sciences and Education
(Samara, Russia), belenov82@gmail.com*

Introduction. The article presents the results of research of the geographical vocabulary of the Shilan dialect, one of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara region, common among Erzya population of Shilan village in Krasnoyarsk region. The dialect belongs to rare Mordovian dialects of the Samara Volga region that were formed in the region since the middle of the XIX century, and therefore its research is of extra interest.

Materials and Methods. The research methods are determined by the purpose and objectives of the study. The analysis of the geographical vocabulary of the Shilan dialect is carried out with the involvement of relevant items made in other Mordovian dialects of Samara region, adjacent territories of neighboring regions, as well as other territories of settlement of the Mordovians. Data on geographical vocabulary of the dialect introduced into research for the first time. The main source materials for the article is based on field studies in Silane village during the field seasons in 2017 and 2020, as well as in other Erzya-Mordovian and Moksha-Mordovian villages of Samara region and adjacent territories in 2015–2020.

Results and Discussion. The study showed that the geographical vocabulary of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language is significantly different from the corresponding lexical clusters in other dialects of the Mordovian region, which can be explained by natural geographical conditions surrounding Shilan village and the original composition of this lexical cluster of Erzya immigrants who founded this village.

Conclusion. The analysis of the geographical vocabulary of the Shilan dialect allowed, on the one hand, to identify specific features of this cluster that distinguish it from the corresponding materials of other Mordovian dialects of the region, and, on the other hand, to identify common isoglosses between it and a number of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara Volga region.

Key words: geographical vocabulary; Mordovia; Erzya-Mordovian language; toponymy; Samara region.

For citation: Belenov NV. Geographical lexicon of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 358–367. (In Russian)

REFERENCES

1. Belenov NV. Geographical terms used in reference to the lakes in Moksha-Mordovian dialects of the Samara Bend. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 2: 122–129. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.122-129 (In Russian)
2. Belenov NV. Toponymic space of the Moksha-Mordovian village of Blagodarovka in the Bor district of the Samara region. *Etnicheskaya kul'tura* = Ethnic culture. 2020; 1 (2): 14–20 (In Russian)
3. Geraklitov AA. Mordvinians of Alatyry in the census of 1624–1721. Saransk; 1936. (In Russian)
4. Devjatkina EM. Some phonetic features of the shilansky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Problemy iazyka: sb. nauch. st.* = Problems of language. Collection of scientific articles. Moskva; 2012: 40–52. (In Russian)
5. Devjatkina EM. Features of consonantism of the shilan dialect of the Erzya language. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygeya state University. 2018; 4 (227): 34–39. (In Russian)
6. Kert GM. Toponymy lexicon of Saami language. Petrozavodsk; 2009. (In Russian)
7. Mosin MV. Reflection of Finno-Ugric lexicon in the Mordovian geographical names. *Onomastika Povolzh'ia* = Onomastics of the Volga Region. Saransk; 1976; 4: 172–174. (In Russian)
8. Myznikov SA. Vepsian etymologies in Finno-Ugric and Slavic contexts. *Ezhegodnik finno-ugorskikh* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2015; 9; 1: 9–13. (In Russian)
9. Poljakov OE. Our ancestors and their languages. Saransk; 1991. (In Russian)
10. Rakin AN. Problems of study of regional onomastics (based on the schedule vocabulary of Verkhnev'yatskaya region). *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of education. 2012; 3: 122–127. (In Russian)
11. Cygankin DV. Oikonymy of the Mordovian Transvolga region. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2010; 3: 9–15. (In Russian)
12. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors; 1915. (In German)
13. Witsen N. North and East Tartarie. Amsterdam; 1692; 2. (In Dutch)

Submitted 04.11.2020, published 25.12.2020